

Глава 1

Не зовите нас больше феями. Мы не любим, когда нас так называют. Раньше это слово, действительно, выражало нашу сущность, но сегодня оно обросло множеством лишних ассоциаций. С точки зрения этимологии, фея — нечто специфическое, близкое наядам или водяным нимфам. Если попытаться объяснить, кто мы такие, то нужно сказать, что мы — феи особого рода. Само слово «фея» происходит от старофранцузского *fée*, которое, в свою очередь, произошло от латинского *Fata*, имени богини судьбы. Традиционно феи жили группами, которые назывались *faerie* (феерическими), в мире между земным и небесным.

Мир этот наполняли самые разнообразные волшебные существа. Один поэт в древности сказал про них: «С неба на землю луну низвести их заклятия могут»¹. С начала времен они были разделены на шесть видов: огненные, воздушные, земные, водные, подземные. Феи, наяды и нимфы составляли отдельный вид. О духах огня, воды и воздуха я почти ничего

¹ *Carminibus coelo possunt deducere lunam* — С неба на землю луну низвести (их) заклятия могут. (лат.) — строка из поэмы Вергилия «Буколики» (Эклога 8, 68), пер. И. Соснецкого.

сказать не могу. Но земных и подземных обитателей я знаю прекрасно и хорошо разбираюсь в их повадках, обычаях и культуре. В разные времена и в разных странах их называли по-разному — лары, гении, фавны, сатиры, фолиоты, черти, бесы, лепреконы, сиды, тролли — те из них, кто сохранился до нынешних времен, скрываются в лесах и редко попадаются людям на глаза. Ну а если вам так уж нужно дать имя мне, зовите меня хобгоблином.

А еще лучше — подменяем. Это слово прекрасно описывает то, чем мы занимаемся. Мы ворует человеческих детей и подменяем их кем-нибудь из своего племени. Хобгоблин становится украденным ребенком, а ребенок — хобгоблином. Но нам подходит не каждый, а только такой ребенок, чья душа томится в человеческом мире, тот, кто и сам рад променять этот мир на что-нибудь другое. Подменяши относятся к выбору жертвы очень серьезно, поэтому подмены происходят не чаще, чем раз в десять лет. Украденный ребенок становится частью нашего мира, и ему иногда приходится ждать целое столетие, пока подойдет его очередь в цикле, когда он сам сможет стать подменяшем и вернуться в мир людей.

Подготовка к подмене крайне утомительна. Она предполагает тщательное наблюдение за объектом, его друзьями и семьей. Все это, естественно, делается скрытно. Лучше всего подходит ребенок, который еще не ходит в школу. С возрастом человеческого мозга все сложнее запоминать и перерабатывать поступающую извне информацию, имитировать личность, привычки, телосложение и особенности поведения объекта. Проще всего похищать младенцев, но их трудно выхаживать. Идеальный возраст — шесть-

семь лет. Конечно, самое главное, — независимо от того, сколько лет ребенку, — заставить родителей поверить, что подменыш и есть их обожаемое дитя. Добиться этого гораздо проще, чем вы думаете.

Основная сложность состоит не только в том, чтобы идеально скопировать личность ребенка, но и в физической трансформации своего тела. Это болезненный процесс. Начинаем мы обычно с костей: их надо вытягивать, пока тело не приобретет нужный размер и форму. Затем следует поработать над головой и лицом, а это требует от нас, подменышей, искусства скульптора. Знали бы вы, какие усилия мы прилагаем, чтобы видоизменить череп! Это было бы похоже на работу с глиной или тестом, если бы не было так больно. Затем нужно переделать зубы, удалить волосы на теле, а потом долго и нудно соединять все части в одно целое. И никаких обезболивающих, разве что пара капель отвратительного на вкус самогона из перебродивших желудей. В общем, процесс неприятный, но мучения того стоят, хотя лично я обошелся бы без переделывания гениталий. В итоге получается идеальная копия ребенка. Тридцать лет назад, в 1949-м, я, подменыш, в очередной раз снова стал человеком.

Я поменялся жизнью с семилетним мальчиком по имени Генри Дэй, жившим на ферме, за городом. Однажды поздним летним вечером Генри убежал из дома и спрятался в дупле большого каштана. Наши шпионы его выследили и подняли тревогу. Я быстро трансформировал себя в его точную копию. Мы вытащили мальчишку из дупла, а я занял его место, чтобы дальше жить его жизнью. Когда поисковая партия поздно вечером обнаружила меня, все были настолько

счастливы, что, вопреки моим опасениям, никто на меня не злился. «Генри!» — окликнул меня рыжеволосый человек в форме пожарного. Я лежал в дупле, притворяясь, что сплю, а теперь открыл глаза и улыбнулся ему. Человек этот завернул меня в тонкое одеяло и вынес из леса на дорогу, где стояла ожидавшая нас пожарная машина. Ее красная мигалка вспыхивала в ритме моего сердца. Пожарные отвезли меня в дом родителей Генри, моих новых отца и матери. Пока мы ехали через ночной лес, я думал, что раз так легко выдержал первый экзамен, то в скором времени смогу покорить весь мир.

Существует распространенный миф о том, что животные и птицы легко отличают своих детенышей от чужих и никогда не потерпят у себя в норе или гнезде незнакомца. Это не так. Кукушка, например, постоянно подкидывает яйца в чужие гнезда, и, несмотря на огромный размер и непомерный аппетит, вылупившийся кукушонок получает от приемной матери достаточно заботы, иногда в ущерб другим птенцам, которых он часто выталкивает из гнезда. Иногда мать насмерть замаривает своих детей голодом, потому что вся еда достается кукушонку. Моей первой задачей было убедить всех, что я и есть настоящий Генри Дэй. К сожалению, люди более подозрительны и менее терпимы к непрошеным гостям в своих гнездах.

Спасатели раньше не видели меня, они знали только, что ищут потерявшегося в лесу мальчика, а я не стал разговаривать с ними. Они выполнили свою миссию, нашли *кого искали* и были тем довольны. Когда пожарная машина свернула с дороги к дому Дэев, меня вырвало прямо на ее ярко-красную дверь жуткой смесью перебродивших желудей, листьев

водяного салата и остатками разных мелких насекомых. Пожарный потрепал меня по голове и сграбастал в охапку вместе с одеялом, словно котенка или младенца. Отец Генри сбежал нам навстречу с крыльца, схватил меня на руки, обнял и расцеловал, обдав крепким запахом табака и алкоголя. Он сразу принял меня за своего единственного сына. Одурачить мать будет гораздо сложнее.

На ее лице отражались все ее переживания: от слез оно опухло и покрылось пятнами, голубые глаза покраснели, волосы спутались и растрепались. Она протянула ко мне дрожащие руки и вскрикнула, коротко и пронзительно, как кричит запутавшаяся в силках крольчиха. Вытерев глаза рукавом рубашки, она обняла меня, вздрагивая всем телом. А потом начала смеяться своим глубоким, низким смехом.

— Генри? Генри? — Она отстранила меня, держа за плечи вытянутыми руками. — Дай насмотреться на тебя! Неужели это действительно ты?!

— Прости, мама...

Она поправила упавшую мне на глаза челку, а потом снова прижала меня к груди. Ее сердце билось как раз возле моего лица. Мне стало слишком жарко и неуютно.

— Не волнуйся, мое маленькое сокровище! Ты дома, в целости и сохранности, а остальное неважно. Ты вернулся!

Отец положил тяжелую ладонь мне на затылок, и я подумал: «Черт, так мы вечно будем стоять на пороге». Я вынырнул из-под его руки, а потом вытащил из кармана носовой платок Генри. На землю посыпались крошки.

— Прости, мама, я украл печенье...

Она засмеялась, ее глаза просветлели. На случай, если бы она все-таки усомнилась в том, что я существо от плоти и крови ее, и был придуман этот трюк. Перед тем как сбежать из дома, Генри насовал себе в карманы печенья, и пока наши тащили мальчишку к реке, я его вытащил и переложил к себе в карман. Эти крошки убедили ее окончательно.

Наконец, уже далеко за полночь, они уложили меня в постель. Уютные спальни — величайшее изобретение человечества. Этот комфорт не сравнить с ночевками в какой-нибудь яме на голой земле, с вонючей кроличьей шкурой вместо подушки, под сопение и вздохи дюжины подменышей, спящих тревожным сном. Я блаженно растянулся на хрустящих простынях, размышляя о своей удаче. Конечно, существует множество случаев, когда подменышей разоблачали. В одной рыбацкой шотландской деревне, например, подменыш так напугал своих бедных родителей, что они выскочили из дома прямо во время снежной бури, а потом их нашли на заливе вмёрзшими в лед. А одна шестилетняя девочка-подменыш случайно заговорила за столом собственным голосом, чем привела новых родственников в такой ужас, что они залили друг другу уши расплавленным воском и больше никогда ничего не слышали. Бывало, отец и мать, осознав, что вместо их собственного ребенка им подсунули подменыша, сидели за одну ночь, лишались рассудка или умирали от сердечного приступа. Правда некоторые, хотя и редко, вызывали экзорцистов, изгоняли непрощенных детей или даже решались на убийство. Семьдесят лет назад я именно так потерял близкого друга, который забыл, что со

временем человеческая внешность меняется. «Папа» с «мамой», решив, что имеют дело с дьяволом, связали его, засунули в мешок, как котёнка, и утопили в колодце. К счастью, чаще всего, если родители замечают в поведении сына или дочери нежелательные изменения, один из супругов начинает винить во всем другого. Одним словом, сами видите, подмена — дело рискованное и не рассчитана на слабонервных.

То, что меня сразу же не вывели на чистую воду, не могло не радовать, но расслабляться было рано. Спустя полчаса после того, как я лег спать, дверь в мою спальню медленно приоткрылась. Освещенные включенным в коридоре светом, мистер и миссис Дэй просунули в щель головы. Я прикрыл глаза и притворился спящим. «Мама» плакала, тихо, но без передышки. Никто не умел рыдать так искусно, как Руфь Дэй.

— Ты должен наладить ваши отношения, Билли. Пообещай, что этого больше не повторится!

— Я знаю. Обещаю, — прошептал он. — Посмотри, как он спит. «Невинный сон! Он разрешает нас от всех забот»².

Он закрыл дверь, и я остался в одиночестве. Мы с моими друзьями-подменышами шпионили за мальчишкой не один месяц, так что я прекрасно знал расположение своего нового дома на опушке леса. Вид из комнаты Генри на небольшую лужайку и лес был просто волшебный. Над зубчатым рядом далеких темных елей ярко сияли звезды. Легкий ветерок забирался в раскрытое окно и холодил простыни. Ночная ба-

² *The innocent sleep that knits up the ravell'd sleeve of care.* (Шекспир, Макбет. Акт II, сцена 2, перевод В. Раппопорт).

бочка билась об оконную сетку. Полная луна давала достаточно света, чтобы разглядеть тусклый узор на обоях, распятие над головой и пришпиленные к стене картинки из газет и журналов. На полке мирно покоились бейсбольная перчатка и мяч, а кувшин и таз для умывания в лучах луны светились, будто покрытые фосфором. На столе призывно лежала стопка книг, и я едва смог побороть волнение от предстоящего чтения.

Утро началось с воплей близняшек. Я спустился в гостиную, прошел мимо спальни новых родителей и устремился на голоса «сестричек». Увидев меня, Мэри и Элизабет сразу замолчали, и я уверен, обладай они разумом и даром речи, то закричали бы: «Ты не Генри!» Но они были обыкновенными карапузами, и ума у них было не больше, чем зубов. Широко раскрыв глаза, они спокойно и внимательно следили за каждым моим движением. Я улыбнулся им, но ответных улыбок не дождался. Я начал строить им смешные рожицы, пощипывать их за толстые щеки, плясать как марионетка и свистеть по-птичьи, но они только пялились на меня, как две глупые лягушки. Пытаясь их развеселить, я вспомнил случай, когда в лесу уже встречался с такими же беспомощными и опасными существами, как эти человеческие детеныши. Однажды в безлюдной лесной долине я наткнулся на потерявшего мать медвежонка. Испуганный звереныш при виде меня так заорал, что я стал опасаться, как бы на его рев не сбежались все окрестные медведи. Несмотря на способность управлять животными, мне нечего было предложить этому паршивцу, который мог разорвать меня одним движением лапы. Тогда я стал напевать веселую песенку, и он успокоился. Вспомнив этот случай, я попытался проделать то же